

Гаврилов Лев Алексеевич

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОСПРИЯТИЯ ЗВУКОВ ЯЗЫКОВ АНАЛИТИЧЕСКОГО И СИНТЕТИЧЕСКОГО СТРОЯ

Статья посвящена различиям в восприятии речи на языках синтетического и аналитического строя. Для языков синтетического строя (латинский, русский, немецкий) характерно неразрывное соединение нескольких морфем (лексических, словоизменительных, словообразовательных), а также выражение грамматических отношений в пределах одной словоформы. При аудировании речи на языке этого строя мы воспринимаем последовательно одну словоформу за другой без помощи служебных слов, порядка слов и супrasegmentных элементов. Для языков аналитического строя (английский, французский) при морфологической неизменяемости слова грамматическое значение выражается служебными словами, порядком слов или соотносительностью в предложении данного слова с другими. В этом случае при аудировании мы воспринимаем слово в составе ритмической группы, равной фонетическому слову, которая может объединять несколько слов и имеет одно ударение. Эта разница в предъявлении слова реципиенту и определяет разный механизм восприятия речи при аудировании.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/2-2/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 106-110. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

а «добродушно». К тому же и собеседник не чувствует себя оскорблённым и даже предлагает «обмыть» новое назначение товарища (“ça s’agitose”).

В заключение отметим следующее.

На разговорную речь французских военных влияет целый ряд антиномий. С одной стороны, неофициальное общение товарищей по оружию часто протекает в доверительной и откровенной обстановке, которая способствует появлению в речи метафорических выражений самого разного происхождения, в том числе арготического и просторечного. С другой стороны, на разговорную речь военных влияет язык официального общения на военные темы, язык военной службы, который придаёт разговорной речи определённую стандартность и точность в выражении мыслей, но исключает субъективно-оценочные элементы. Именно такая антиномия стандарта и экспрессии отличает разговорную речь военных от разговорной речи в других социальных пространствах.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика. М.: УРСС, 2001. 392 с.
3. Биязи Н. Н. Словарь французского военного аргю. М.: ВИИЯ, 1944. 163 с.
4. Гаврилов Л. А. Военный перевод французского языка: учебное пособие. М.: Военный университет, 2002. 404 с.
5. Гаврилов Л. А. Сборник упражнений по двустороннему переводу. М.: ВИИЯ, 1966. 234 с.
6. Гаврилов Л. А. Стилистика французского языка: учебное пособие. М.: Военный университет, 2004. 196 с.
7. Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый франко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1993. 1194 с.
8. Зарипов Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе: монография. М.: Р.Валент, 2016. 220 с.
9. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология. М.: УРСС, 2003. 280 с.
10. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 372 с.
11. Vauche H. Le langage populaire. P.: Payot, 1951. 232 p.
12. Lanoux A. Le commandant Watrin. P.: Le livre de poche, 1968. 438 p.
13. Le Petit Robert. P.: Le Robert, 2011. 2837 p.

ANTINOMIES OF EXPRESSION AND STANDARD IN THE FRENCH MILITARY MEN'S SPEECH

Gavrilov Lev Alekseevich, Ph. D. in Philology, Professor
Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow
lieutenant-en-chef@ya.ru

This article is devoted to the comparative cognitive study of the antinomy of expression and standard in the French military men's official and unofficial (informal) communication. It is noted that the penetration of the elements of speech standard, regulated by the norms and rules of military service, into the military men's speech gives it a certain stylistic singularity, and the antinomy of standard and expression determines the specificity of the military men's speech. Hypothetically it can be assumed that this antinomy of standard and expression may be typical of other foreign armies, although in this case it will have the characteristic imprint of certain relevant linguistic forms.

Key words and phrases: antinomy; lexical synonymy; metaphor; standard; expression.

УДК 81'342

Статья посвящена различиям в восприятии речи на языках синтетического и аналитического строя. Для языков синтетического строя (латинский, русский, немецкий) характерно неразрывное соединение нескольких морфем (лексических, словоизменяемых, словообразовательных), а также выражение грамматических отношений в пределах одной словоформы. При аудировании речи на языке этого строя мы воспринимаем последовательно одну словоформу за другой без помощи служебных слов, порядка слов и супrasegmentных элементов. Для языков аналитического строя (английский, французский) при морфологической неизменяемости слова грамматическое значение выражается служебными словами, порядком слов или соотносительностью в предложении данного слова с другими. В этом случае при аудировании мы воспринимаем слово в составе ритмической группы, равной фонетическому слову, которая может объединять несколько слов и имеет одно ударение. Эта разница в предъявлении слова реципиенту и определяет разный механизм восприятия речи при аудировании.

Ключевые слова и фразы: восприятие речи; звук; избирательность; произношение; словесное ударение; фонема.

Гаврилов Лев Алексеевич, к. филол. н., профессор
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
lieutenant-en-chef@ya.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОСПРИЯТИЯ ЗВУКОВ ЯЗЫКОВ АНАЛИТИЧЕСКОГО И СИНТЕТИЧЕСКОГО СТРОЯ

Звук представляет собой отражение воздушных колебаний с помощью аппарата слухового рецептора и играет огромную роль в процессе ориентации живого организма во внешней среде. Именно с этим обстоятельством

связан тот факт, что орган слуха человека выделяет в процессе отражения не любые звуковые волны, а лишь тот его участок (от 16 до 20 000–30 000 звуковых колебаний в секунду), который в конкретных условиях бытия несет максимальное количество полезной информации об окружающей среде. Ограниченность возбудимости «по диапазону» органа слуха практически с лихвой компенсируется значительным обострением чувствительности в пределах воспринимаемых раздражений.

Подобно ситу, человеческое ухо стремится фиксировать лишь нужные данному слушателю сигналы и не замечать ненужные. Это свойство уха делает изучение механизма восприятия и понимание речи особенно сложным.

В частности, характерные особенности согласных русского языка бывают так незначительны, что не всегда могут быть уловлены специальными приборами. Тем удивительнее, что они легко улавливаются человеческим слухом, который может различать тончайшую разницу, например, между звуками /п/ и /б/, звуками, которые мало чем отличаются по звучанию и тем не менее без труда распознаются.

Вместе с тем некоторые звуки, вырванные из речевого потока, часто перестают восприниматься как звуки речи или воспринимаются не так, как в том речевом потоке, к которому они относились. Это наблюдение позволяет сделать вывод, что сведения, которые мы получаем при восприятии речи о каждой данной фонеме, не только заключены в одном звуке речи, но также и в соседних с ним звуках. Когда субъект произносит слова /pip/ и /sis/, отмечает Лафон, очевидно, что слушатель идентифицирует гласные как /i/. Однако, если сравнивать при аудировании слово /pip/, произнесенное двумя субъектами, и слово /sis/, можно констатировать, что /i/ в слове /pip/, произнесенном двумя субъектами, будут ближе друг к другу с точки зрения акустики, чем /i/ в словах /pip/ и /sis/, произнесенных одним и тем же субъектом. Отсюда Лафон делает вывод: «Акустическая структура группы фонем менее зависит от говорящего лица, более постоянная и универсальная, чем фонема, произнесенная одним и тем же субъектом в разных фонетических контекстах. Таким образом, фонетическая структура слова более постоянна, чем фонетическая структура фонемы» [7, р. 138].

Заметим, кстати, что эти выводы являются результатом наблюдения не одного-двух, а целого ряда случаев, которые касаются фонем французского языка. «В действительности, – пишет Ж. К. Лафон, – в зависимости от осуществляемой или намеченной артикуляции фонема приобретает некоторые особенности. Так, некоторые согласные могут потерять свою сонорность, как [i] в *pluie*, этапы артикуляции перемещаются, [k] перед [i] становится звуком более передним, а перед [u] в слове *mou* губы вытягиваются для артикуляции [u] еще во время произнесения [m], в то время как в слове *mi* они уже при произнесении [m] готовы открыться для произнесения [i]» [6, р. 25].

Все эти наблюдения позволяют сделать вывод о том, что фонему вообще невозможно описать одним стационарным участком и что любой звук речи может быть охарактеризован постоянным изменением своего звучания в период его произнесения.

Наконец, целый ряд наблюдений показывает, что звук изменяется не только в зависимости от слова, в котором он находится, но также в зависимости от того, кто это слово произносит и при каких обстоятельствах. В частности, в ряде случаев можно наблюдать влияние эмоционального состояния на характер произношения отдельных звуков в сообщении. Так, улыбка может изменить звук [m] [5, S. 18]. Следовательно, она может преобразовывать звуковое сообщение и быть «воспринята» совершенно без участия зрительного анализатора в словах, артикуляцию которых она изменила.

Не менее убедительный пример приводит М. Граммон: «Чем сильнее негодование того, кто произносит фразу “*Elle porte une robe courte!*”, тем сильнее будет ударение на слове *courte*, тем короче будет слово *robe*, в котором звук [ə] будет становиться все более и более коротким и может даже вообще исчезнуть» [4, р. 171].

Вместе с тем следует отметить, что все эти варианты в произнесении того или иного реального звука речи не мешают нам воспринимать варианты одного и того же слова как одно и то же слово.

Это получается потому, что всем им соответствует единая жесткая схема, в которую все эти фонетические варианты, несмотря на имеющиеся отклонения, укладываются. Эта точка зрения находится в соответствии с моторной теорией речи, согласно которой при восприятии произносимых слогов мы относим входящие в их состав звуки к определенным фонемам не потому, что они обладают определенными акустическими признаками, а потому, что как говорящий, так и слушающий для производства этих сигналов использует одни и те же комплексы артикуляторных движений. Таким образом, восприятие звука речи означает не только восприятие его акустических параметров, но и его соотношение с комплексом артикуляторных движений, необходимых для произнесения данного звука [9, р. 47–55].

Рассмотренные факты позволяют утверждать, что звуки родного языка нами артикулируются и автоматически варьируются в зависимости от комбинаторных условий. При этом фонологическая система родного языка оказывается своеобразным «ситом», через которое просеивается все сказанное. Остаются, как отмечал Н. С. Трубецкой, только самые существенные для рассматриваемой фонемы признаки [3, с. 59].

Поскольку в разных языках системы «сит» строятся по-разному, постольку, когда мы слушаем речь на совершенно незнакомом языке, автоматически используя для ее восприятия привычную систему «сит» родного языка, мы не слышим составляющих звуков, так как у нас нет той фонематической матрицы, соответственно которой мы должны перерабатывать доходящую до нас в этом случае акустическую информацию.

Иначе говоря, конкретное проявление избирательности слуха здесь заключается в том, что она мешает нам находить существенные признаки предъявленных звуков. Так, для русского, не знающего французского языка, французские слова *Paul* и *pôle* звучат одинаково, а для француза, не знающего русского языка

и не обладающего способностью различать фонематический признак мягкости и твердости, русские слова «бил» – «биль» – «быль» и «был» звучат также одинаково. Французу оказывается очень трудно уловить те звуковые признаки, которые придают словам разное значение. Услышав незнакомую иноязычную речь, человек стремится распознать в ней комплекс фонологических представлений, которые у него имеются о родном языке, а затем расчленил этот комплекс на фонемы, характерные для своего родного языка, согласно существующим в нем законам группировки фонем [8]. Таким образом, искажение слова, взятого из незнакомого нам иностранного языка, происходит не только за счет неверного восприятия качественных характеристик отдельных составляющих это слово звуков, но и за счет количества воспринимаемых звуков. В результате японцы, слушая русское слово «так» воспринимают в нем не три звука, а четыре – «таку», а французы слово «четыре» нередко воспринимают как «*тшетуре*» или «*тсетуре*».

Лица, приступающие к изучению иностранного языка, естественно, еще не слышат составляющих звуков предъявляемой иноязычной речи. Их произношение характеризует «иностраннный акцент», который зависит не столько от того, что тот или иной учащийся не в состоянии произнести тот или иной звук, сколько от того, что он пока еще неверно судит об этих звуках. Их произношение тем ближе к нормальному, чем они правильнее осмысливают «эталонные» фонемы, т.е. средние значения индивидуальных (произносимых различными дикторами) звуков речи. В начале обучения учащийся оказывается в состоянии отнести к определенным фонемам только звуки, произносимые преподавателем, и испытывает затруднения всякий раз, когда к определенной фонеме нужно отнести звуки изучаемого языка, произносимые другими людьми. Со временем постоянные признаки всех этих звуков и образуют набор образов фонем изучаемого языка в сознании учащегося. Легко заметить отличие, характеризующее их формирование у носителя языка и у лица, изучающего данный язык в качестве иностранного. Если образы фонем носителя языка формируются в языковом коллективе, члены которого обладают большим языковым опытом и произношением без иностранного акцента, то образы фонем учащегося часто формируются и при участии таких образцов речи, которые характеризует иностраннный акцент. Кроме того, как правило, в процессе обучения иностранному языку на начальном этапе количество дикторов, речь которых слушает учащийся, исчисляется единицами и поэтому лишь с большой натяжкой может быть названо множеством. Наконец, на формировании образов фонем иностранного языка сказывается интерференция родного языка, в то время как при формировании образов фонем носителя языка интерференции не наблюдаются. Таким образом, слишком ограниченное количество акустических образов индивидуальных звуков изучаемой речи в сочетании с интерференцией родного языка приводит к тому, что образы собственных эталонных фонем иностранного языка у учащегося оказываются беднее, чем у носителей языка.

Прослушанные звуки только тогда можно успешно сравнивать с набором действительно эталонных фонем, когда имеется достаточный опыт общения на языке, когда состоялось знакомство с таким количеством индивидуальных звуков речи носителей языка, который бы позволял без затруднений сравнивать индивидуальные звуки речи носителей языка (даже говорящих не вполне правильно с точки зрения орфоэпии) с набором эталонных фонем и выбирать из набора ту, к которой ближе всего принятый звук [1, с. 67].

Современные научные представления о механизме восприятия речи позволяют выяснить и другой важный вопрос, касающийся распознавания речевых сигналов. В процессе речевого общения мы реагируем не просто на физические звуки, а на звуки (как правило, комплекс звуков), имеющие звуковое значение, т.е. выражающие мысль. В процессе восприятия речи слушающий распознает не их физические свойства (число колебаний основного тона, их интенсивность, общая энергия звучания), а тембр, громкость, ударения, темп и ритм речи, ее продолжительность и расчлененность во времени. Восприятие речи при этом опосредовано особенностями речевого слуха, системой языковых значений и смысловым содержанием речи.

В процессе обыденного восприятия речи мы, как правило, не осознаем языковые особенности речи (фонематические, лексические, грамматические и стилистические). Обыденное восприятие отличается синтетическим характером, когда все особенности речи слиты в единый поток звуков, образующих предложение.

Однако предложение, будучи единицей речи, не может быть единицей восприятия речи. Это связано с тем, что человеческая память не в состоянии хранить словарь всех возможных предложений, а содержит единицы существенно меньшие, слова или же, например, основы слов и окончания, а также правила, по которым из хранящихся единиц можно построить предложение [2, с. 159].

В настоящее время установилась, по существу, одна точка зрения относительно восприятия речевого сообщения. Она сводится к тому, что оно представляет собой последовательное восприятие более мелких сигналов, которые обычно соответствуют слогам.

Что же касается принятия решения о фонеме, то слушающий для этого использует информацию, распределенную на участке речевого потока, соответствующего, по меньшей мере, слогу.

В процессе восприятия речи слушающий устанавливает лишь некоторые признаки звука, позволяющие отнести его в определенную группу фонем, его знание в этом отношении оказывается довольно приблизительным. Однако даже такое восприятие в конечном счете сплошь и рядом не отражается на качестве аудируемого сообщения.

Это связано, во-первых, с тем, что слушающий сосредоточивает свое внимание на смысловом содержании речи, на передаваемой мысли, а не на звуковых рядах слов. Во-вторых, это связано с особенностью самого звукового ряда слов, особенностью, которая заключается в том, что часть передаваемых говорящим звуков оказывается несущественной или избыточной для идентификации или декодирования сообщения. В результате потеря информации, выражающаяся в пропуске некоторого количества звуков во фразе, необязательно нарушает процесс коммуникации в целом.

Нередко он реализуется даже тогда, когда сопровождается неузнаванием отдельных слов, входящих в сообщение. Если фраза не очень длинна, то неузнанное слово воспринимается после восприятия сообщения на основании сохранившихся в памяти признаков сообщения и отдельных признаков пропущенного слова, т.е. сведений о его размерах, положения в нем ударения и т.п. Если же сообщение длинное, то решение о неузнанном слове или части фразы может быть принято только на основании догадки или лингвистического анализа, т.е. с большой вероятностью ошибок, поскольку образ слова к этому времени чаще всего утрачивается. Очень важную роль в процессе восприятия речи играет словесное ударение: кроме того, что оно по существу является важнейшим дифференциальным признаком слова, оно позволяет узнать число полных слов во фразе. Словесное ударение придает сообщению очень важный акустический параметр – ритмику сообщения, что делает последнее более разборчивым по сравнению с разборчивостью бессмысленных слогов, так как позволяет слушателю использовать дополнительный признак, не разрушаемый частотными искажениями и шумами, ритмику чередования ударных слогов с безударными.

В результате даже в тех случаях, когда носитель русского языка не различает слов и даже фразы, он продолжает совершенно автоматически членить предложенную ему фразу на слова и воспринимать поток звуков «пословно». Все эти наблюдения приводят нас к совершенно определенной точке зрения на рассмотренные нами единицы: фонемы и слова. Если минимальной единицей языка, единицей лингвистического анализа является фонема, то слово – минимальная функциональная единица речевой деятельности.

В речевом потоке человеку свойственно вычленять ритмически ограниченные единицы, особенно удобные для восприятия. В зависимости от языка, на котором осуществляется общение, это могут быть слова в языках синтетического строя (например, в русском, венгерском, финском, латинском и др.) или группы слов в языках аналитического строя (например, во французском, английском, персидском и некоторых других индоевропейских языках).

Так, в русском языке благодаря словесному ударению звуковой поток часто распадается на слова, что позволяет реципиенту сравнительно легко их вычленять и использовать для понимания сообщения в целом. Разбор псевдопредложения Л. В. Щербы «Глокая куздра штеко будланула бокра...» показывает, что даже в тех случаях, когда нам не известны корни слов, мы можем многое определить в услышанном. Так, «куздра» имеет признаки подлежащего, выраженного существительным женского рода в единственном числе, «будланула» – сказуемого, выраженного глаголом в прошедшем времени, вид которого можно установить, и т.д.

Совершенно иначе происходит процесс распознавания речевых сигналов при аудировании французской речи. Здесь слова, особенно в ходе диалогического обмена, часто оказываются связаны в ритмические группы, которые обладают определенным фонетическим единством, спаяны одним ударением и редко включают более 5-7 слогов:

«Je m'en doutais». / Я это подозревал (*здесь и далее примеры и переводы автора статьи – Л. Г.*).

«C'est tout naturel». / Это так естественно.

«A qui le dites-vous?» / Кому вы это говорите?

«C'est facile à dire». / Это легко сказать.

Каждый из приведенных выше примеров выражает определенное смысловое целое и может быть отнесен к пласту довольно экспрессивных языковых единиц, широко распространенных в разговорной речи. Как правило, эти привычные разговорные выражения осознаются и понимаются почти автоматически. Иначе говоря, аналитическое восприятие ритмических групп здесь оказывается достаточным для понимания устной речи, хотя в ряде случаев оно требует преодоления некоторых трудностей.

Так, для языков аналитического строя, и в частности для французского, характерны сцепление (*enchaînement*) и фонетическое соединение слов (*liaison*), которые приводят к тому, что несколько слов произносятся как одно, например, словосочетания «*le petit ami de mon fils*» / *дружок моего сына*, «*un drôle de charreau*» / *смешная шапка*, etc. Обычно аналитическое восприятие речевого потока позволяет носителю языка довольно легко определить состав подобных групп слов. Особенно в случаях, когда они состоят из слов, появление которых легко прогнозируется реципиентом. Вместе с тем в ряде случаев слово в речевом потоке полностью утрачивает свою автономность, как, например, в одной из реплик диалога в комедии Ванденберга «*Gringalet*» («Тщедушный») [1, с. 115]:

«Philippe: Et toi, qu'est-ce que tu as fait?»

Josette: Ma nappe à thé.

Philippe: Tu parles chinois? Je ne comprends rien.

Josette: Ma nappe pour le thé, si tu préfère. Je t'ai expliqué... des petits napperons reliés entre eux pour de la dentelle.

Philippe: Ah! Bon!».

Филипп: А ты что сделала?

Жозетт: Свою скатерть для чая.

Филипп: Ты говоришь по-китайски? Я ничего не понимаю.

Жозетт: Свою скатерть для чаепития, если ты хочешь. Я тебе объяснила... Маленькие салфеточки, соединённые между собой с помощью вязания.

Филипп: А! Понял!

Если в письменной речи реплика «*Ma nappe à thé*» понимается легко, так как входящие в нее четыре слова обладают определенной автономностью, то в устной речи из-за полного фонетического слияния этих слов

их автономность утрачивается, и определить лексический состав реплики оказывается проблематично. Поскольку перевод произошел с языка аналитического на язык синтетического строя, то понимание происходит пословно, чего не было в оригинале.

В качестве вывода отметим, что в процессе распознавания речевых сигналов при восприятии устной речи на языках аналитического строя слово чаще теряет свою автономность, чем при восприятии речевого потока на языках синтетического строя.

В частности, определенные трудности аудирования французской речи связаны с тем, что речевой поток здесь делится не на слова, как в русском, а на ритмические группы, состоящие из двух и более слов. Их лексический состав бывает трудно определить на слух, что может привести к непониманию аудируемого сообщения.

Список литературы

1. Гаврилов Л. А. Стилистика французского языка. М.: Военный университет, 2004. 196 с.
2. Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структура поведения. М.: Книга по Требованию, 2013. 239 с.
3. Трубецкой Н. С. Основы фонологии / пер. с нем. А. А. Холодовича; под ред. С. Д. Кацнельсона. Изд-е 2-е. М.: Аспект-Пресс, 2000. 352 с.
4. Grammont M. Traité de phonétique générale. P.: Delagrave, 1933. 482 p.
5. Jespersen O. Lehrbuch der Phonetik. Leipzig: Teubnet, 1926. 258 S.
6. Lafon J.-C. Le test phonétique et la mesure de l'audition. Eindhoven: Ed. Centrex, 1964. 235 p.
7. Lafon J.-C. Message et phonétique; introduction à l'étude acoustique et physiologique du phonème. P.: Presses Universitaires de France, 1961. 167 p.
8. Polivanov E. D. La perception des sons d'une langue étrangère // Travaux du cercle linguistique de Prague. Prague, 1931. № 4. 268 p.
9. Stevens K. N. Toward a Model for Speech Recognition // Journal of the Acoustical Society of America. N. Y., 1960. № 32. P. 47-55.

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF SOUNDS PERCEPTION IN LANGUAGES OF ANALYTICAL AND SYNTHETIC STRUCTURE

Gavrilov Lev Alekseevich, Ph. D. in Philology, Professor

*Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow
lieutenant-en-chef@ya.ru*

The article is devoted to differences of speech perception in the languages of synthetic and analytical structure. The languages of synthetic structure (Latin, Russian, German) are characterized by the indissoluble connection of several morphemes (lexical, inflectional, derivational), as well as the expression of grammatical relationships within a single word form. In listening of the speech in the languages of this structure we perceive successively one word form after another without the help of auxiliary words, word order and suprasegmental elements. For the languages of analytical structure (English, French) in case of the morphological invariability of words grammatical meaning is expressed by functional words, word order or interrelationship of the word with other words in a sentence. In this case, in listening we perceive the word as a part of the rhythmic group, equal to the phonetic word, which can combine several words and has one stress. This difference in the presentation of words to the recipient determines different mechanisms of speech perception in listening.

Key words and phrases: speech perception; sound; selectivity; pronunciation; word stress; phoneme.

УДК 811.161.1'42

Статья посвящена рассмотрению англоязычных фразеологизмов как языковых и одновременно культурных знаков, семантика которых связана с лингвокультурным гастрономическим кодом (см. алиментарным). Образность изучаемых фразеологизмов – глоттонимов и фразовых глаголов исследуется с учетом их функциональных характеристик, в которых закодированы гастрономические культурные смыслы, рефлектирующие как пищевые, так и иные предпочтения англоязычных этносов (этические, социальные, институциональные).

Ключевые слова и фразы: знак; глоттония; глоттоним; идиома; код; кодирование; культурный смысл; лингвосомиотика; образность; семантика; фразеологизм.

Гашимов Эльчин Айдынович, д. филол. н., доцент

*Московский городской педагогический университет (филиал) в г. Самаре
elchgash@mail.ru*

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АЛИМЕНТАРНЫЙ КОД: ЛИНГВОСОМИОТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК ЕДИНИЦ ОБРАЗНОЙ СЕМАНТИКИ

Образное кодирование алиментарной (гастрономической/глуттонической) коммуникации, связанное с её минимальной (идиомы, фразеологизмы, устойчивые выражения) шифрованностью, как феномен этнолингво-